

В. В. Долгоруков

ПРАГМАТИКА АРГУМЕНТОВ К СУБЪЕКТИВНОМУ ОПЫТУ (КАК ФИЛОСОФСТВУЮТ РУКАМИ: ДЖ.Э. МУР И Р. НУНЬЕС)

The article is devoted to the problem of subjective experience in analytic tradition. Moore's proof of external world and Nunez's analysis of gestures and mental representation of infinity are considered. It's symbolic that both researchers use the same image — argumentation by means of “bare hands”. I mean famous Moore's “proof of an external world”: “here is one hand and here is another”. The first part of the article is devoted to Moore's arguments. It's argued that the key Moore's argument is the performative one and the pragmatics of Moore's proof of an external world shares some basic characteristics with the pragmatics of Cartesian ‘cogito’. It's interesting that the pragmatics of Moore's arguments and the pragmatics of ‘cogito’ are based on the deduction of existence as performative inference. The second part of the article is devoted to R. Nunez's analysis of gestures and cognitive framework in philosophy of mathematics. R. Nunez makes a conclusion that metaphor of ‘fictive motion’ is a relevant mental representation of infinity. Nunez tries to use gestures analysis to prove this claim. The differences between the pragmatics of Moore's proof and the pragmatics of Nunez's proof are discussed.

1. Как философствуют руками: Дж.Э. Мур и Р. Нуньес

В своей знаменитой статье «Доказательство внешнего мира» (см.: [Мур, 1993]) Дж.Э. Мур использовал необычный способ аргументации: доказав существование внешнего мира при помощи одних только рук. Тема рук неожиданным образом всплыла в новом контексте, в новой интерпретации в совершенно другой области, но по схожему поводу — американский философ и специалист по когнитивным наукам Р. Нуньес в ряде статей, анализируя особенности жестикуляции, делает выводы об особенностях ментальной репрезентации математической бесконечности.

Мура и Нуньеса объединяет не только использование «манипуляций с руками», а новаторский способ аргументации: каждый из аргументов стал особым прецедентом в эволюции аргументов к субъективному опыту. Если

Мур использует образ рук, чтобы легитимировать в философских рассуждениях возможность отсылать к очевидному, то Нуньес стремится доказать вещи совершенно не очевидные и в чем-то даже контринтуитивные. В данной статье хотелось бы использовать эту символическую параллель, чтобы проследить эволюцию аргументов к субъективному опыту, и в частности, способ аргументации и Мура, и Нуньеса.

2. Случай Дж.Э. Мура

Вся мощь муровской аргументации направлена против того, что Кант назвал «скандалом в философии»: отсутствие строгого обоснования существования внешнего мира. Мура не удовлетворяет кантовская аргументация, и вместо нее он предлагает свою, по его же словам, не менее строгую: «Уже сейчас я готов привести множество других абсолютно строгих доказательств, а в будущем — еще больше» [Мур, 1993, с. 80]. Риторически текст статьи устроен таким образом, что Мур драматически акцентирует момент доказательства, словно бы говоря: «Внимание. Барабанная дробь. Сейчас я докажу, что внешний мир существует, разнеся в пух и прах скептицизм и идеализм». И вот оно, это долгожданное доказательство: «Я показываю две мои руки и говорю, жестикулируя правой: “Вот — одна рука” и, жестикулируя левой рукой, добавляю: “А вот — другая”» [Там же]. Вот и все доказательство, *quod erat demonstrandum*. Мур действительно создал прецедент в истории философии нового времени, имеющий известные параллели в античном кинизме. Схема доказательства внешнего мира очень проста, доказательство состоит из двух посылок и заключения:

1. Вот одна моя рука! А вот другая!
2. Если руки существуют, следовательно, внешний мир существует.
3. Следовательно, внешний мир существует.

Мур отмечает, что доказательство могло бы считаться несостоятельным, если бы не соблюдалось хотя бы одно из трех условий: «(1) если бы посылка доказательства не отличалась от его заключения; (2) если бы об истинности посылки я не знал, но был просто в ней убежден (что никак не являлось бы достоверным), или если бы она была истинной, а я не знал об этом; и (3) если бы заключение по-настоящему не следовало из посылки» [Там же]. Поскольку доказательство удовлетворяет всем трем критериям, то он принципиально настаивает на его абсолютной строгости: «Однако доказал ли я здесь, что две человеческие руки существуют?»

Я настаиваю на том, что доказал, причем абсолютно строго; пожалуй, и вообще нет лучшего доказательства, чем это» [Там же]. Что же дает основания Муру делать такие выводы?

2.1. Что делает аргумент Мура легитимным? «Вот моя рука» как перформативный аргумент

Как мне кажется, строгость рассуждениям Дж.Э.Мура придает перформативная природа его аргументов. А именно — аргументация Дж.Э.Мура направлена на доказательство эмпирической невозможности осуществления сомнения: «Абсурдно думать, что это не знание, но лишь мнение, и что все, вероятно, было иначе. С таким же успехом мы могли бы утверждать, будто я не знаю о том, что сейчас встал и говорю — ибо вовсе не доказано, что я об этом знаю!» [Там же, с. 81]. Мур апеллирует к тому, что существуют утверждения, в которых нельзя сомневаться, так как само сомнение обладает структурой. И попытка осуществления сомнения может входить в противоречие с самой структурой сомнения. Сформулируем этот тезис более точно чуть позже, проанализировав другие случаи использования «аргумента Мура».

Дж.Э. Мур создал прецедент, который впоследствии стал основой для успешной атаки на различные проявления скептицизма. Более того, прецедент, созданный Муром, является краеугольным камнем в обосновании самой возможности целых разделов (моральная философия, отчасти политическая философия) и подходов в философии (практический реализм, реализм *qualia*). Попытаемся разобраться, что придает такую силу «аргументам Мура». Как мне кажется, следующие аргументационные ходы представляют собой воспроизведение «аргумента Мура» в новых обстоятельствах.

2.1.1. «Аргумент Мура» в моральной философии: Стросон vs. моральный скептицизм

В статье «Свобода и ресентимент» (см.: [Strawson, 1974]) П. Стросон выдвигает такой аргумент против морального скептицизма. Он указывает на возмущение, с которым любой человек реагирует на нанесенные ему обиды, как на неподлежащий сомнению факт. Стросон отвечает моральному скептику так же, как Мур отвечает идеалисту: указывая на существование объекта. Как отмечает по этому поводу Ю. Хабермас: «лингвистическая феноменология нравственного сознания, предложенная Стросоном: <...>, может развить майевтическую способность и эмпирику, выступающему в роли не доверяющего морали скептика, раскрыть глаза на его собственные повседневные моральные интуиции» [Хабермас, 2000, с. 71]. Моральный

скептик сомневается в существовании каких-либо моральных рамок как таковых, Стросон отвечает ему лобовой атакой (предварительно указав на невозможность сомнения в существовании, по крайней мере, такого морального чувства, как возмущение от обиды): «Существование же самих этих всеобъемлющих рамок дано нам вместе с фактом существования человеческого общества. В целом они не требуют, да и не допускают внешнего “рационального” оправдания» (цит. по: [Хабермас, 2000, с. 78]).

2.1.2. «Аргумент Мура» в философии сознания: Сёрл vs. элиминативный материализм

Дж. Сёрл вопреки радикальным вариантам логического бихевиоризма (Г. Райл) и элиминативного материализма (П. Черчленд) доказывает, что сознание существует: «Однако с некоторыми взглядами ситуация значительно более неопределенная. Как, к примеру, кто-либо стал опровергать взгляд, что сознание не существует? Следует ли мне уколоть сторонников этого взгляда, дабы напомнить им, что они сознательны? И не следует ли мне уколоть самого себя, а затем сообщить результаты в “Журнал философии”?» [Сёрл, 2002, с. 30].

Сёрл воспроизводит в философии сознания муровский трюк с руками, Сёрл как бы говорит здесь: «Уважаемые элиминативные материалисты — как это сознания не существует? Так вот же оно! Вот одно из проявлений сознания, вот пример качественного субъективного опыта: восприятие боли. Попробуйте уколоть себя иголкой и при этом сказать, что боли не существует, а есть только физическая активность нейронов. А если вы не верите в существование сознания — я, Дж. Сёрл, буду колоть вас до тех пор, пока вы не поверите».

2.1.3. «Аргумент Мура» в онтологии: практический реализм vs. онтологический редуционизм

Отличительная черта практического реализма состоит в том, что эта онтологическая концепция готова пожертвовать онтологической простотой ради лучшего соответствия здравому смыслу. Главные оппоненты такого сторонника практического реализма, как Л. Бейкер, — те, кто утверждает, что не существует объектов из нашего повседневного мира, скажем, артефактов. Вопреки этому положению Л. Бейкер выдвигает муровские, по сути, аргументы. Артефакты существуют, они не редуцируемы к своим физическим составляющим: «Таким образом, я не вижу ничего подозрительного в том, чтобы утверждать, что и электроны суще-

ствуют, и стулья существуют. Я не усматриваю никакого соперничества между электронами и стульями или между мозгом и отношениями — в независимости от того включаются ли стулья (или отношения) в научную картину» [Baker, 2007, p. 239]. По Л. Бейкер, артефакты конститутивно производны, но не редуцируемы к физическим сущностям. Бейкер в своей аргументации действует совершенно по-муровски: артефакты существуют — вот стол, вот стул, вот карбюратор, наш практический повседневный опыт постоянно отсылает нас к сущностям такого рода.

2.1.4. Общая схема аргументации

В случае с Муром, Стросоном, Сёрлом и Бейкер имеет место одна и та же схема аргументации. Во всех перечисленных случаях мы имеем дело с *дедукцией существования в перформативной установке остенсивного указания*. Всегда в ответ на скепсис по поводу существования того или иного объекта осуществляется остенсивное указание (используемое как аргумент): *Вы все еще думаете, что сущности N не существуют? Так вот же она! Вот, «под рукой». Вы не можете сомневаться в ее существовании, так как вы эмпирически не сможете осуществить акт сомнения.*

Во всех перечисленных случаях обоснование происходит примерно по одной и той же схеме:

- Мур: Внешний мир существует — «Вот одна моя рука, а вот другая»;
- Стросон: Моральные чувства существуют — «Если вас обидают — вот оно возмущение»;
- Сёрл: Сознание существует — «Уколите себя — и вот она боль»;
- Бейкер: Артефакты существуют — «Вот стул, а вот карбюратор».

Аргумент такого рода можно было бы назвать «вот-аргументом» (имея в виду прагматическую нагрузку местоимения «вот» как маркера осуществления остенсивного указания в перформативной установке).

Перформативный характер такой аргументации (на примере Стросона) отмечает и Хабермас: «Стросона прежде всего интересует то обстоятельство, что все эти эмоции присутствуют в повседневной практике, которая доступна нам только в перформативной установке. Только благодаря этому сеть моральных чувств становится в определенном смысле неминуемой: мы не можем по своей воле отказаться от приглашения, которое приняли как члены жизненного мира» [Хабермас, 2000, с. 73].

Как мне кажется, аргументация Мура сходна по своей природе и с другими случаями дедукций существования в перформативной установке — перформативной интерпретацией *cogito* (см.: [Hintikka, 1990])

и перформативной интерпретацией онтологического аргумента (см. [Драгалина-Черная, 2011]). Только в случае Мура имеет значение еще и элемент остенсивного указания. Важно, что Мур произносит не просто: «Моя рука существует», а: «Вот моя рука!». Именно дейксис, выраженный указательным местоимением «вот», отвечает за перформативный компонент в рассуждениях Мура и придает им силу убеждения.

Муровское доказательство внешнего мира при помощи рук, по сути, основано на приведении к абсурду и схоже по своей структуре и аргументативной силе с известным муровским же парадоксом: «За окном идет дождь, но я в это не верю». Парадокс вызван тем, что здесь мы не имеем дело с логическим противоречием, но, тем не менее, это высказывание противоречиво. Речь идет о перформативном противоречии, как и в следующих утверждениях: «Я сплю», «Я не здесь» и т.д. Экспликация прагматической нагрузки таких высказываний (к примеру, средствами иллюкативной логики Д. Вандервекена) позволила бы дедуктивно вывести и чисто логическое противоречие.

Таким образом, прагматика муровского «Вот моя рука!» сходна по своей природе с прагматикой декартовского *cogito*. И с учетом перформативной интерпретации — рассуждения Мура можно переформулировать следующим образом. Высказывание «Вот моя рука. Но внешнего мира не существует» является перформативным противоречием. Я, жестикулируя, произношу: «Вот моя рука!», следовательно, внешний мир существует.

Главное, к чему апеллирует Мур, — наличие у сомнения структуры и, как следствие, тотальная коммуникативная неудача догматического сомнения, неструктурированного сомнения во всем. Пользуясь терминологией Л. Витгенштейна, можно сказать, что сомнение является особой языковой игрой со своими правилами. В работе «О достоверности» Витгенштейн отмечает по поводу структуры сомнения следующее: «341. То есть *вопросы*, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]. 342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на *деле* подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований. 343. Однако дело не в том, что мы не *в состоянии* исследовать всего — и потому вынуждены довольствоваться определенными предпосылками. Если я хочу, чтобы дверь отворилась, петли должны быть закреплены» [Витгенштейн, 1994, с. 362]. Как мне кажется, витгенштейновская метафора «дверей и петель» говорит о том, что существует особая структура сомнения, сомнение не может происходить по-другому: если А — пресуппозиция В, то невозможно сомневаться в В, не предполагая А. В случае Мура структура со-

мнения такова: «Вот моя рука» — следовательно, внешний мир существует. Если вы сомневаетесь в том, что «вот рука», вы не можете сомневаться в существовании внешнего мира, так как осуществление сомнения становится невозможным эмпирически, и т.д.

Итак, можно считать, что Мур создал прецедент, используя в качестве аргумента *дедукцию существования в перформативной установке остенсивного указания*. В дальнейшем «аргумент Мура» возникает в борьбе с догматическим скептицизмом в разных областях философии, но последующие авторы будут «душить» догматическое сомнение уже «руками Мура» (т.е. не прибегая к дополнительным инструментам — практически «голыми руками»).

Как мне кажется, случай с аргументацией Р. Нуньеса не менее показателен и его так же можно считать прецедентом, но прецедентом иного рода. В случае Мура удивление или недоумение связаны в основном со способом доказательства, нежели с тем, что, собственно, подлежит доказательству. (Ведь, по сути, Муром доказываются трюизмы, и поэтому его статьи ничего, кроме недоумения и возмущения, у неискушенного читателя не вызывают. И обычно от упреков в тривиальности спасает только отсылка к ставшей легендой почти маниакальной муровской честности.) В случае Нуньеса интерес представляет как раз сам предмет доказательства.

3. Случай Р. Нуньеса. Что доказывает Р. Нуньес?

В случае Дж.Э. Мура сомнение выглядит неестественно (и основная цель муровской аргументации как раз и состоит в том, чтобы доказать неестественность и неуместность сомнения). В случае же Р. Нуньеса сомнение уместно как никогда. Особенно на фоне таких громких заявлений: «Я покажу, как исследование жестов может давать ответы на глубокие вопросы о природе математики как таковой» [Nunez, 2008, p. 96].

Что же, собственно, доказывает Нуньес? Он формулирует свой главный исследовательский результат следующим образом: «Опираясь на исследования жестов, можно сказать, что упомянутые преподаватели математики не только использовали метафорические языковые конструкции, но фактически в реальном времени оперировали категориями движения (*thinking dynamically*)!» [Ibid., p. 112]. Таким образом, Нуньес утверждает, что в основе концептуализации бесконечности лежит метафора движения, и жестовые паттерны подтверждают это предположение. От наблюдений за жестикуляцией Нуньес делает

переход к ментальной репрезентации, т.е. делает вывод о структуре ни много ни мало чужого субъективного опыта. Не самое осторожное заявление! Каким образом Нуньесу удастся перескочить от жестикуляции к ментальной репрезентации? Как ему удастся «проникнуть» в чужое сознание, оперируя только косвенными данными?

Р. Нуньес действительно осуществляет хитроумный логический трюк. Но удастся ли ему это только благодаря «ловкости рук»? Не обошлось ли тут без «мошенничества»?

3.1. Как Р. Нуньес это доказывает?

С одной стороны, математика сама по себе не терпит никаких эмпирических аргументов, с другой стороны — в философии математики стали появляться аргументы эмпирического характера в связи с когнитивным подходом. С точки зрения этого подхода, «математика — человеческое предприятие. Она использует те же самые мыслительные механизмы, что и другие интеллектуальные сферы, это показывает, насколько оптимально используются ограниченные биологические ресурсы» [Lakoff, Nunez, 2005, p. 123]. Несмотря на абстрактность математических рассуждений, когнитивный подход утверждает, что математика в конечном счете укоренена в свойствах нашего тела, языка и структуры познавательных способностей. Когнитивный подход к философии математики утверждает, что все математические понятия в своей основе имеют некоторую базовую метафору. (Такого рода рассуждения восходят к С. Маклейну и призваны объяснить, во-первых, почему математика имеет такие разделы, какие она имеет, и, во-вторых, почему мы вообще способны понимать математику.)

Базовой метафорой бесконечности (basic metaphor of infinity) является метафора воображаемого движения (Дж. Лакофф и Р. Нуньес отсылают к базовой метафоре бесконечности в описании математической бесконечности любой природы, как актуальной, так и потенциальной).

Но что позволяет Р. Нуньесу связывать жестовые паттерны и структуры ментальной репрезентации в принципе? Новейшие исследования в сфере жестикуляции позволяют сделать вывод, что спонтанная жестикуляция является, наряду с языком, еще одним окном в сферу мышления. Такой вывод основывается на следующих эмпирических данных.

1. Универсальность: сопровождающая речь жестикуляция является кросскультурной универсалией.
2. Жестикуляция бессознательна: жесты контролируются меньше, чем речь. Говорящий часто не осознает, что он вообще жестикулирует.

3. Речь и жесты синхронизированы: жесты часто порождаются вместе с речью через определенного рода временные стереотипы, характерные для данного языка.
4. Человек может жестикулировать даже в отсутствии собеседника, к примеру, разговаривая по телефону. Также жестикуляция характерна и для слепых от рождения.
5. Речь сопровождает жесты: «запинка» в речи приводит к «запинке» в жесте, также помеха для рук перебивает производство речи.
6. Жесторечевое развитие: развитие жестов и речи тесно связано.
7. Жесты дают дополнительную (так же, как и пересекающуюся) информацию по отношению к речевой. Говорящий использует оба канала и часто не может отличить источник.
8. Жесты и абстрактное метафорическое мышление: метафорические языковые карты систематически отражаются в структуре жестовой коммуникации. (См.: [Nunez, 2008, p. 94–95].)

Таким образом, жестикуляция не является произвольной, по жестикуляции можно судить о структурах ментальной репрезентации. Опираясь на эти данные, Нуньес идет дальше. Исследуя жестикуляцию преподавателей математики в тот момент, когда они говорят на темы, связанные с бесконечностью, Нуньес заметил, что их жестовые паттерны согласованы с метафорой воображаемого движения. К примеру, можно сравнить жестикуляцию физика Р. Фейнмана в тот момент, когда он говорит о реальном движении элементарных частиц, и жестикуляцию преподавателя математики в тот момент, когда он говорит о методах аппроксимации или сходящихся рядах. Жестовые паттерны совпадают в обоих случаях — это позволяет Нуньесу сделать заключение о том, что ментальная репрезентация бесконечности базируется на метафоре движения (реальное и воображаемое движение представлены в «когнитивном бессознательном» одними и теми же структурами). Таким образом, одновременно с концептом бесконечности активируется метафора воображаемого движения. Бесконечность репрезентируется как метафорическое движение, жесты «выдают» тот факт, что метафора движения в случае бесконечности является «живой метафорой» воображаемого движения (fictive motion).

Таким образом, Нуньес получает доступ к структурам субъективного опыта, преодолевая закрытость субъективного мира другого с помощью предположения об универсальном устройстве когнитивных способностей. Такого рода натуралистические допущения позволяют формулировать качественные выводы о структуре субъективного опыта.

Нуньес оказывается в ситуации, совпадающей с ситуацией Мура: он переходит от анализа жестов к анализу субъективного опыта. Если Мур микроскопическими шагами движется к обоснованию самой возможно-

сти отсылать к фактам субъективного опыта и с крайней осторожностью обосновывает саму возможность оперировать трюизмами, то Нуньес доказывает вещи совершенно нетривиальные. Нуньес в своих выводах заходит гораздо дальше — опираясь на косвенные эмпирические данные, он осмеливается делать утверждения о структуре чужого субъективного опыта. Что же позволяет Нуньесу делать такие выводы?

Если в случае Мура само сомнение невозможно эмпирически, то в случае Нуньеса аргументация возможна благодаря тому, что мы имеем дело с системой взаимосвязанных положений. То, как устроена эта система взаимосвязанных положений, и делает сомнение если не невозможным, то, во всяком случае, проблематичным. Если воспользоваться метафорой У.В.О. Куайна, то можно сказать, что в случае Нуньеса мы имеем дело с «сетью убеждений» или даже с «паутиной убеждений» (*web of belief*). Положения связаны между собой таким образом, что сомнение в одном из них повлечет за собой сомнение в другом, и т.д. И само сомнение может «запутаться» в паутине.

4. Стратегии обоснования достоверности и прагматика аргументов к субъективному опыту

Если позволить себе чрезмерное упрощение, то прецедент с руками Мура и прецедент с руками Нуньеса демонстрируют две противоположные стратегии обоснования достоверности. Назовем их условно — картезианской стратегией и прагматистской стратегией.

Картезианская стратегия предполагает, что устанавливаются некоторые истины, от которых логически «зависят» все остальные положения. Поэтому в такой стратегии обоснования достоверности можно сомневаться во всем, кроме базовых положений. В привилегированном положении находятся «эпистемические сингулярности» типа *cogito*.

Прагматистская стратегия обоснования достоверности устроена так, что пересмотру может подвергаться любое положение. Но в соответствии с определенным порядком: по выражению У.В.О. Куайна, «теория соприкасается с опытом по краям».

Для картезианской стратегии обоснования «судом последней инстанции» является собственный разум, для прагматистской стратегии — хорошо организованное сообщество рациональных агентов. Прагматистская стратегия обоснования предполагает интерсубъективную, распределенную трактовку рациональности.

Картезианской и прагматистской стратегии обоснования соответствуют и две базовые метафоры, отражающие архитектуру взаимосвязи положений и соответственно контуры стратегии сомнения, — метафора «знания-здания» и метафора «знания-паутины». Метафора здания объясняет, почему для картезианского обоснования так важно защитить от сомнений именно фундаментальные положения: сцепления между единицами системы являются жесткими. Хотя бы одно положение не может быть пересмотрено в принципе.

Метафора паутины объясняет, почему прагматистское обоснование сохраняет возможность пересмотра любых положений: сомнение в одном положении тянет за собой сомнение в другом и вязнет в «паутине убеждений».

Таким образом, случай Мура является прецедентом по защите от сомнения фундаментального положения в картезианской системе обоснования; случай Р. Нуньеса показывает, как защищаться от скептицизма в прагматистской «паутине убеждений» — догматический скептицизм оказывается несовместимым с установкой на натурализованную эпистемологию.

Если случай Мура стал прецедентом, обосновывающим саму возможность отсылки к субъективному опыту, гарантировав надежную защиту от скептицизма, то случай Р. Нуньеса демонстрирует отход от замкнутости и самодостаточности философской аргументации, принципиальную открытость эмпирическим аргументам. Случай Р. Нуньеса свидетельствует о конце тех времен в философии, когда фраза «это эмпирический вопрос» автоматически означала завершение философского спора.

Как известно, Ницше предлагал философствовать при помощи молота — Мур и Нуньес демонстрируют, как можно философствовать при помощи рук. Философствуя руками, и тот, и другой создали особый прецедент в обосновании доступа к структурам субъективного опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Витгенштейн Л. Философские работы Ч. I. М.: Гнозис. 1994.
- Драгалина-Черная Е.Г. Дедукции существования. Путешествуя по возможным и невозможным мирам // Возможные миры: семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2011.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мур Дж.Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.

- Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Baker L.* The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism (Cambridge Studies in Philosophy). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Cornejo C., Simonetti F., Ibáñez A., Aldunate N., Ceric F., López V., Núñez R.* Gesture and Metaphor Comprehension: Electrophysiological Evidence of Cross-modal Coordination by Audiovisual Stimulation // *Brain and Cognition*. 2009. Vol. 70. No. 1. P. 42–52.
- Hintikka J.* The Cartesian Cogito, Epistemic Logic and Neuroscience: Some Surprising Interrelations // *Synthese*. 1990. Vol. 83. No. 1.
- Lakoff G., Núñez R.* The Cognitive Foundations of Mathematics. The Role of Conceptual Metaphor // *Handbook of Mathematical Cognition*. N.Y.: Psychology Press, 2005.
- Núñez R.* Mathematical Idea Analysis: What Embodied Cognitive Science Can Say about the Human Nature of Mathematics. Opening Plenary Address // *Proceedings of the 24th International Conference for the Psychology of Mathematics Education*. Vol. 1. P. 3–22. Hiroshima, 2000.
- Núñez R.* Conceptual Metaphor and the Cognitive Foundations of Mathematics: Actual Infinity and Human Cognition // *Metaphor and Contemporary Science*. University Scholars Occasional Papers Series / B. Baaquie, P. Pang (eds). Singapore: National University of Singapore, 2003. P. 49–72.
- Núñez R.* Embodied Cognition and the Nature of Mathematics: Language, Gesture and Abstraction // *Proceedings of the 26th Annual Conference of the Cognitive Science Society* / K. Forbus, D. Gentner, T. Regier (eds). Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 36–37.
- Núñez R.* Do Real Numbers Really Move? Language, Thought, and Gesture: The Embodied Cognitive Foundations of Mathematics // *Embodied Artificial Intelligence* / F. Iida, R. Pfeifer, L. Steels, Y. Kuniyoshi (eds). Berlin: Springer-Verlag, 2004. P. 54–73.
- Núñez R.* Creating Mathematical Infinities: The Beauty of Transfinite Cardinals // *Journal of Pragmatics*. 2005. No. 37. P. 1717–1741.
- Núñez R.* 18 Unconventional Essays on the Nature of Mathematics / R. Hersh (ed.). N.Y.: Springer, 2006. P. 160–181.
- Núñez R.* A Fresh Look at the Foundations of Mathematics: Gesture and the Psychological Reality of Conceptual Metaphor // *Metaphor and Gesture* / A. Cienki, C. Müller (eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
- O'Connor D.* The Metaphysics of G.E. Moore. Boston: Kluwer, 1982.
- Pryor J.* What's Wrong with Moore's Argument? // *Philosophical Issues*. 2004. No. 14 "Epistemology".
- Quine W.V.O., Ullian J.S.* The Web of Belief. N.Y.: McGraw-Hill, 1978.
- Strawson P.F.* Freedom and Resentment. L.: Methuen, 1974.
- Themes from G.E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / S. Nuccetelli, G. Séay (eds). Oxford: Oxford University Press, 2007.